

— А? Что ты там вякнул? Повтори-ка, я не расслышал.

Вместе с этими словами, прозвучавшими ледяной угрозой, тело Кэндзяку отлетело от мощного удара и с грохотом впечаталось в стену, превратившись в нелепый человеческий барельеф.

Масамичи Яга и Кавех изумлённо вскинули головы. Их взгляд тут же приковала пара глаз, в глубине которых под толщей льда бурлила раскалённая магма. Это были Шесть глаз — легендарный дар клана Годзё, который невозможно перепутать ни с чем.

Позади Сатору Годзё громоздились неподвижные тела поверженных стражей, а по бокам стояли помрачневшие Сюдзи Цусима и Акико.

Безрассудный и наглый молодой господин Годзё вместе со своими невероятно сильными спутниками ворвался в усадьбу подобно урагану. Они пронеслись по территории клана Камо, словно бригада подрывников на тяжёлых бульдозерах, крушащих всё на своём пути.

Но даже эта разрушительная забава не могла унять бушевавший в его груди гнев.

Чуть ранее, воспользовавшись частным самолётом семьи Вонгола, Сатору мигом добрался до своего особняка. Однако дома его встретила лишь звенящая пустота — в поместье остались только Сакуносукэ Ода и Чуя Накахара.

«И где все?» — недоумевал тогда Годзё, решив, что остальные просто отправились на прогулку.

— Пошли вытаскивать Кавеха, — лаконично пояснил Одасаку.

После короткого военного совета Сюдзи Цусима рассудил, что проникать в логово врага лучше в одиночку. Остальным оставалось лишь прикрывать его снаружи.

Меньше людей — меньше шума. Одасаку, несмотря на своё киллерское прошлое и эсперский дар «Безупречный», после недавней заварушки в клане Годзё вынужден был признать: против причудливого шаманского колдовства его навыки бессильны. Ему оставалось только ждать.

Впрочем, подмога подросла вовремя.

Узнав, что Кавех томится в застенках клана Камо, да ещё и столкнулся с нынешней марионеткой Кэндзяку, Сатору почувствовал, как у него бешено запульсировала вена на виске. Не теряя ни секунды, он рванул на выручку.

Он мчался быстрее ветра, стремительнее, чем когда-либо в жизни. Ярость, раскалённым свинцом разлившаяся в груди, подстёгивала его, заставляя преодолевать пределы собственной скорости.

Раздался оглушительный грохот. Сила сокрушительного удара Сатору опередила даже ловкие пальцы Цусимы.

Хоть они и пробирались в поместье с разных сторон, этот помпезный взрыв над головой Цусима узнал бы из тысячи.

«Ну что за идиот, честное слово...» — вздохнул Сюдзи, глядя на зияющую брешь в барьере. На душе разлилось странное дежавю. Точно так же Сатору разносил собственный дом — разве что там разрушения были чуть скромнее.

"Что ж, вспомним былые деньки", — подумал Цусима.

Сюдзи коснулся мерцающей преграды, и в барьере бесшумно открылся проход, достаточный, чтобы проскользнуть человеку. Акико, встревоженная устроенным Годзё переполохом, решила не отсиживаться в стороне и скользнула следом за ним.

Пока Сатору напролом пробивал себе дорогу к цели, Сюдзи и Акико спешили за ним по следу из дымящихся обломков.

Пару раз на пути Годзё вставали опасные противники, но Цусима ловко заходил им со спины, нейтрализуя одним касанием, а Акико на ходу латала недобитых врагов, чтобы те ненароком не испустили дух. Так они и встретились.

— Нам туда, — бросил Сюдзи.

Впрочем, указывать дорогу не требовалось. Среди сплошных руин уцелела лишь одна неприметная пристройка.

Кэндзяку явно не предвидел, что его безупречный звукоизолирующий барьер сыграет с ним злую шутку: из-за него он даже не услышал, как снаружи ураганом беснуется Сатору Годзё.

Поглощённый подготовкой к захвату тела Яги, древний паразит ослабил контроль над внешней защитой, за что теперь и поплатился.

"Вяжи его!" — скосив глаза на застрявшего в стене Кэндзяку, беззвучно приказал Сатору, сделав знак Цусиме.

За последнее время Годзё сполна успел оценить изворотливость этой твари. Сначала он думал лишь о том, как уберечь Кавеха, но теперь, когда враг был повержен, пришла пора позаботиться о главном — не дать мерзавцу ускользнуть.

Кэндзяку дорожил своей шкурой сильнее всего на свете. И хотя Сатору метил точно в лоб, он с

удивлением заметил, что голова марионетки осталась цела.

Цусима лишних вопросов задавать не стал и молча кинулся вперёд.

В ту же секунду к телу потянулся и Годзё. Схватившись за врага с двух сторон, они принялись тянуть его каждый к себе, точно канат в детской игре.

Вот только канату пришлось бы куда легче. Кэндзяку попытался активировать проклятую технику, но обнаружил, что связь с проклятой энергией напрочь заблокирована. Мгновение — и его сознание словно воспарило в пустоте.

Сатору просто-напросто сорвал крышку черепа марионетки.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Созерцать уродливый мыслящий мозг, снабжённый зубастым ртом, присутствующим ещё не приходилось.

— Подержи-ка его, — Годзё кивнул на пульсирующую массу и весело взглянул на Цусиму.

— Ещё чего! Какая гадость, — брезгливо поморщился Сюдзи, касаясь обезглавленного трупа лишь кончиком мизинца.

— Засуньте его сюда, — предложила Акико, извлекая из сумки пустую стеклянную банку, на которой красовались остатки полусодранной этикетки от маринованных слив.

Сатору, которого тоже передёргивало от одного вида шевелящегося паразита, перехватил мозг и брезгливо швырнул его на дно посуды. Крышка с сухим щелчком закрылась. Зрелище получилось крайне жутким: мозг в банке из-под консервов.

Банку пришлось нести Сюдзи — разумеется, сквозь толстое стекло. Иного выхода не было: только под его постоянным надзором эта тварь лишалась возможности творить свои бесчинства.

— Так это и есть... — пробормотал побледневший Масамичи Яга, с содроганием разглядывая банку. Разум честного шамана отказывался укладывать в голове столь противоестественное кощунство.

— Это мерзкий тысячелетний слизень! Он забирается людям в головы и жрёт их разум! — Сатору, завидев ещё совсем молодого Ягу, тут же разразился бурной и пафосной тирадой, изливая на Кэндзяку ушаты скопившейся злобы.

Пока он увлечённо костил пленника на чём свет стоит, подросли основные силы клана Камо. В мгновение ока комнату и коридоры наводнили хмурые шаманы, взяв незваных гостей в

плотное кольцо.

— И как это понимать, молодой господин Годзё? С каких пор Божественное дитя нашего союзника проливает кровь шаманов Камо? — из толпы выступил суровый мужчина с характерным для этого клана прищуром узких глаз. Людской поток безропотно расступился перед ним.

Напряжение возросло до предела. Было очевидно: не получи они внятных объяснений, и этот недозрелый «полубог» останется лежать здесь бездыханным трупом. Клан Камо не потерпел бы подобной дерзости.

— Скажи спасибо, что я прибрал за вами этот мусор, — огрызнулся Сатору, глумливо ткнув пальцем в стеклянную банку. — Норитоси Камо. Тот самый безумец, сотворивший «Девять проклятых картин». Только не вздумайте мне вешать лапшу на уши, будто не знали, что этот выродок всё ещё топчет землю!

При звуках этого имени глава клана переменялся в лице. Он перевёл тяжёлый взгляд на мерзкий мыслящий сгусток, отчётливо различая сквозь стекло исходящие от него эманации древней, извращённой проклятой энергии.

Монстр в банке внешне ничем не напоминал позорного предка, вычеркнутого из семейных хроник, но интуиция подсказывала главе: Годзё не лжёт.

И дело было не в доверии к заносчивому мальчишке — старик верил Шести глазам, способным зреть саму суть мироздания.

Взгляд скользнул к обезглавленному трупу с аккуратно срезанной макушкой. Мозаика мгновенно сложилась, обнажая неприглядную и пугающую правду.

Клан Камо... оплот традиций и величия, на протяжении веков служил послушной игрушкой в руках этого чудовища.

Каково это — узнать, что твоя крепость, твоё самое безопасное убежище давным-давно превратилось во вражеское логово?

Кое-кто из молодых шаманов вздрогнул, стараясь не выдать своего страха перед товарищами. Но липкая, осязаемая паника уже пустила корни в умах присутствующих, медленно отравляя их уверенность.

Заметив их минутную слабость, Сатору лишь презрительно сощурился.

"Вся эта спесивая шваль годна лишь на то, чтобы дрожать за собственную шкуру. Они объединяются только тогда, когда пламя начинает лизать их собственные задницы. Старые

мандарины, молодые гнилушки — один чёрт, разницы никакой".

Вот оно, прогнившее болото, которое ему суждено перекроить в будущем. Болото, вызывающее у него сейчас лишь глухое отвращение.

— Ну так что? Каков будет ваш вердикт? — миролюбиво, но с явной издёвкой спросил Сюдзи, выступая вперёд. Сатору сейчас напоминал пороховую бочку с зажжённым фитилем, и Цусиме очень не хотелось, чтобы тот разнёс здесь всё до основания раньше времени. Лишняя резня лишь затянет дело.

"Если эта тварь всех так раздражает, почему бы просто не укоротить ей век?" — мысленно усмехнулся Цусима. На его невинном детском лице сияла дружелюбная улыбка, а в голове уже зрел детальный план безболезненной утилизации Кэндзяку.

Картина со стороны казалась абсурдной: двое мальчишек, едва достающих главе клана до груди, диктовали условия целой армии вооружённых до зубов магов.

И тем не менее никто не смел подать голос. С того момента, как прозвучало имя проклятого патриарха, этот спор перерос в плоскость тайных интриг, куда рядовым бойцам соваться было заказано.

— Позвольте мне переговорить с вами наедине, юный господин, — после недолгого молчания процедил глава Камо, признавая поражение.

Грязное бельё утеравших бдительность старейшин не должно было стать достоянием общественности. О том, чтобы наказать дерзкого мальчишку за погром, не шло и речи — теперь клану Камо приходилось вымалывать его молчание.

Единственным выходом оставался позорный компромисс, способный хоть как-то замять назревающий скандал.

Сатору и Сюдзи переглянулись. Обоим в этот миг пришла на ум одна и та же ироничная мысль о хвалёном кодексе чести великих кланов. Как же это жалко — пресмыкаться пред детьми ради призрачного сохранения лица.

Пользуясь тем, что все взгляды прикованы к лидерам, Акико осторожно подобралась к Кавеху. Бедный архитектор в облике аранара замер без движения, притворяясь обычной деревянной игрушкой. Девушка ловко сгребла его в охапку, спрятала в складках плаща и облегчённо выдохнула.

Поймав на себе недоумённый взор Масамичи Яги, она заговорщицки подмигнула ему и спросила вполголоса:

— Раны обработать?

Грудь шамана в опасной близости от сердца зияла рваной раной, а с губ не сходила мертвенная бледность. Сатору подоспел в самый последний миг, не позволив клинку прервать жизнь мужчины.

К этому незадачливому шаману, едва не ставшему новой шкурой для Кэндзяку, Акико не испытывала неприязни. Напротив, то, как самоотверженно Яга пытался выгородить и спасти крошечного Кавеха, вызывало у неё уважение.

— Жить буду... — выдавил Яга, упрямо качнув головой. Опираясь на стену, он заковылял вслед за парламентарями. Он был главным свидетелем этой мерзкой драмы, и скрываться сейчас не имело смысла — проще было выложить всё начистоту здесь и сейчас.

"Ещё один упрямый дурак", — с грустной усмешкой подумала Акико и, поправив ношу, последовала за остальными.

<http://bllate.org/book/18256/1755731>